

Мария Макарова

(Москва, Россия)

Московская высшая школа социальных и экономических наук им. Т. Шанина (Шанинка);

Варшавский университет

магистр истории

E-mail: masza.makarowa@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9227-7581

Agata Maksimowska. Birobidżan. Ziemia, na której mieliśmy być szczęśliwi.

Wołowiec: Czarne. 2019. ISBN 978-83-8049-792-4. 357 s.

DOI: 10.31168/2658-3364.2021.1.13

Книга польского автора Агаты Максимовской «Биробиджан. Земля, на которой мы должны были быть счастливы» (*Birobidżan. Ziemia, na której mieliśmy być szczęśliwi*) вышла в 2019 г. в одном из лучших польских издательств *Czarne*, специализирующемся на издании репортажей. Она была опубликована в серии *Sulina*, в которой, как можно прочитать на сайте издательства, выходят не просто репортажи, но исторические и антропологические книги. Все эти работы объединяет то, что «они открывают перед читателем неизвестные проявления феномена под названием “Европа”, постыдные секреты и глубоко скрытые тайны»¹.

Книга Максимовской находится на границе между академической монографией, в которой автор реконструирует историю и современность биробиджанского проекта и даже пытается дать прогнозы на будущее, и репортажем. Ее большой плюс заключается именно в репортажности. Агата Максимовская – антрополог, выпускница Варшавского университета – провела в Биробиджане достаточно долгое время, хорошо знает местный контекст, текст книги насыщен цитатами из интервью с биробиджанскими собеседниками.

Подзаголовок книги Максимовской – «Земля, на которой мы должны были быть счастливы» – сразу говорит читателю, что книга относится к тем публикациям о Биробиджане, авторы которых далеки от идеализации истории Еврейской автономной области (ЕАО). Эта история рассматривается ими как неудачная попытка строительства автономии, перемоловшая людские судьбы, а настоящее Биробиджана представляется

¹ URL: <https://czarne.com.pl/katalog/serie/sulina> (дата обращения: 10.08.2021).

искусственно управляемым процессом создания бренда в политических целях. «Область, которая должна была стать проявлением еврейства, стала его тюрьмой», – пишет Максимовская о начальном этапе существования ЕАО [Maksimowska 2019, 144]. При этом местоимение «мы» в названии работы сразу намекает, что говорить в книге Максимовской будут прежде всего сами жители Биробиджана.

Повествование в книге Агаты Максимовской развивается хронологически. Автор начинает с истории еврейского переселения на Дальний Восток, строительства самого Биробиджана и одного из первых еврейских колхозов Валдгейма («лесной дом», идиш). Много внимания Максимовская уделяет вопросам советизации евреев и преобразования, которое, по замыслу идеологов биробиджанского проекта, должно было произойти с жителями местечек в Биробиджане. Эти вопросы автор рассматривает в более широком контексте национальной политики СССР, снабжая свои рассуждения многочисленными отсылками к работам других историков и используя в качестве теоретической рамки концепт коммунальной квартиры Юрия Слезкина.

Максимовская обильно цитирует тексты еврейских поэтов, которые связаны со строительством Еврейской автономной области. Стихи Эмануила Казакевича, Изи Харика и других авторов, написанные на идише, Максимовская переводит на польский с русскоязычных переводных изданий. Кроме того, она обращается к важному для этой темы фильму «Искатели счастья» и многочисленным пропагандистским публикациям и репортажам о Биробиджане, чтобы полнее описать контекст создания советской еврейской родины и сопутствующую этому пропагандистскую кампанию.

Максимовскую занимает также статус идиша и русского языка в ЕАО. Несмотря на особый формальный статус идиша в области, пишет автор книги, биробиджанские евреи не видели за идишем будущего и так же, как евреи в других частях СССР, не учили своих детей еврейскому языку. «Стыд и страх, связанные с еврейским характером области, делали еврейство чем-то неприличным, от чего по-хорошему следовало бы отказаться или, по крайней мере, спрятать, сделать потише, заглушить. Это касалось и еврейского языка», – считает Максимовская [Maksimowska 2019, 150].

Автор подробно реконструирует историю репрессий, дважды коснувшихся ЕАО – сначала в 1937–1938 гг. и затем в послевоенный период, – анализирует, как преследования затронули обе волны биробиджанских переселенцев, первая из которых, как пишет Максимовская, бежала на Дальний Восток от голода, а вторая – от воспоминаний.

Немаловажно, что Максимовская обращается к проблеме антисемитизма в Биробиджане, которой в официальном дискурсе о ЕАО просто не существует. Она использует в качестве доказательств существования антисемитских настроений в области устные источники. «Дружба на-

родов, – пишет автор, – существовала в Биробиджане лишь формально, приправленная антисемитской повседневностью. Еврейскость Биробиджана была тем, о чем охотно забывали. Однако из пропагандистских соображений поддерживалась иллюзия – еврейский театр, таблички на зданиях, программа на идише по радио» [Maksimowska 2019, 168].

Очистить историю ЕАО от иллюзий, пропаганды и ложных представлений, которые пропаганда транслировала вовне, Максимовская пытается и в той части книги, которая посвящена современности. Она пишет о вновь возникшем на волне перестройки интересе к истории переселения на Дальний Восток – еврейское возрождение в ЕАО началось еще в последние годы существования СССР. Автор приводит важную для понимания специфики этого возрождения историю украинца Георгия Шматко: в 1984 г., открыв для себя идиш, он стал учить язык совершенно самостоятельно и от руки переписал словарь, взятый у кого-то на время. Затем он начал преподавать идиш в местном пединституте: то, что раньше казалось сумасшествием, отмечает Максимовская, стало в начале 1990-х гг. вполне востребованным в Биробиджане знанием.

То же происходило в области религии и общественной жизни: биробиджанцы открывали для себя иудаизм, создавали десятки еврейских организаций, которые появлялись и исчезали. Однако, как отмечает автор, за этой активностью пришло разочарование – надежды на национальное возрождение в ЕАО оказались беспочвенными. Максимовская связывает такую ситуацию главным образом с эмиграцией: те, кто был вовлечен в описываемые процессы, вскоре репатрировались в Израиль.

Говоря о религиозной еврейской жизни, автор реконструирует историю биробиджанской еврейской общины, описывает и ее современное состояние. При этом, что немаловажно, Максимовская обращает внимание и на другие общины Биробиджана. Особенно ценными здесь кажутся ее наблюдения, касающиеся субботников, поскольку Максимовская еще успела застать последних из них в Биробиджане.

Книга Агаты Максимовской вышла в 2019 г., однако полевые исследования в ЕАО автор проводила преимущественно в конце 2000-х, десятью годами ранее. Поэтому та современность, о которой пишет Максимовская, на деле превратилась в историю и отдалена и от автора, и от читателя книги. Автор рассуждает об этой современности в категориях аутентичности и искусственности, «так, как можно попробовать выучить идиш заново, так и “еврейскость”, – пишет она, – можно заново открыть и выстроить на ней идентичность, иногда понятную только в локальном контексте» [Maksimowska 2019, 236].

Рассуждения Максимовской об идентичности биробиджанцев и еврейском как локальном бренде ЕАО представляются одной из наиболее ценных частей ее работы. Максимовская выступает здесь не столько как автор репортажа, сколько как антрополог, делящийся размышлениями

о современном Биробиджане. По мнению автора, понимаемые в соответствии с советскими культурными традициями «еврейские мотивы» оказываются для властей региона главным показателем того, что в ЕАО существует еврейская культура, при этом со стороны это выглядит китчем. Максимовская обращает внимание на интересную символическую борьбу, разворачивающуюся в современном Биробиджане: с одной стороны, для него по-прежнему важна история первых переселенцев, с другой же – в представлениях биробиджанцев о прошлом советский Биробиджан неожиданно становится штетлом. Местечковые мотивы появляются, пишет автор, в театральных представлениях и выступлениях еврейских эстрадных коллективов, в которых нет евреев. В этом локальном контексте «Семь-сорок» и «Хава Нагила» для многих, по мнению Максимовской, становятся квинтэссенцией еврейской культуры.

В книге прошлое постоянно взаимодействует с настоящим, а настоящее с прошлым – возможно, в этом уникальность самого Биробиджана. Однако автор пытается заглянуть также и в будущее, описывая, как влияет на жизнь Биробиджана соседство с Китаем, какие страхи пробуждает оно у жителей ЕАО. По мнению Максимовской, «спасение специфического локального еврейского наследия в эпоху глобального экономического и культурного обмена становится все более трудным». Автор настроена пессимистично и полагает, что коммерческий характер еврейской культуры в ЕАО будет усиливаться, а с историей биробиджанского проекта спустя некоторое время будут ассоциироваться «только сувенирные блюдца с менорой и произведенные в Китае фигурки» [Maksimowska 2019, 323].

Следует отметить, что Максимовская строит свою книгу на многочисленных интервью с биробиджанцами. Она не использует архивные источники, а в своем повествовании об истории ЕАО обращается в основном к ставшим классическими работам биробиджанских краеведов и историков советского еврейства. При этом Максимовская использует собранные в биробиджанском поле интервью не как репортер, рассказывающий яркие истории своих героев и погружающий читателя в их судьбы, а как ученый, иллюстрирующий фрагментами интервью свои наблюдения и выводы, свой рассказ о предмете исследования.

Возможно, в этом заключается главный недостаток книги Максимовской как репортажа – ее герои невыразительны, они кажутся лишь иллюстрацией, блеклыми свидетелями большой истории, подтверждающими то, что проговорено автором. В то же время очень ценно (в том числе и для других исследователей истории ЕАО), что Максимовская успела поговорить со старшим поколением биробиджанцев, с потомками первых переселенцев, многие из которых уже ушли из жизни.

Несмотря на то что в польских репортажах фигура автора обычно хорошо заметна, в книге Максимовской нет ни ее самой, ни ее собственного голоса. Голосом, выражающим сомнения в осмысленности биробиджан-

ского проекта и отмечающим, что нынешние жители автономии «играют в евреев», становится голос Риммы Лавочкиной – биробиджанского поэта, которая делится здесь своими размышлениями о Биробиджане и биробиджанцах. Максимовская дает ей высказаться практически во всех частях своего повествования, делая Лавочкину сквозной героиней книги. Однако, так же, как и другие собеседники Максимовской, Лавочкина в ее книге – персонаж-свидетель, голос скептика, а не яркая героиня биробиджанской истории.

До выхода книги Агаты Максимовской в польской историографии существовала лишь одна посвященная Биробиджану книга – работа Артура Патека «Биробиджан. Советская земля обетованная?» [Patek 1997], а тема Биробиджана оставалась своего рода экзотикой, время от времени всплывая в репортажах польских журналистов, отправившихся на Дальний Восток.

Агата Максимовская изменила эту ситуацию: ее книга, хотя и не является *stricte* научной монографией и рассчитана скорее на широкого читателя, заполняет эту лакуну и дает возможность как тем, кто ничего не знает о Биробиджане, так и тем, кто знаком с темой, глубже погрузиться в историю и современность биробиджанского проекта, рассказанную преимущественно самими биробиджанцами.

Литература

- Maksimowska 2019 – *Maksimowska A. Birobidżan. Ziemia, na której mieliśmy być szczęśliwi*. Wołowiec: Czarne, 2019. 360 s.
 Patek 1997 – *Patek A. Birobidżan. Sowiecka ziemia obiecana*. Kraków: Historia Iagellonica, 1997. 103 s.

Maria Makarova

Moscow, Russia

Moscow School of Social and Economic Sciences (Shaninka), University of Warsaw

MA in History

E-mail: masza.makarowa@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9227-7581

References

- Maksimowska, A., 2019, *Birobidżan. Ziemia, na której mieliśmy być szczęśliwi*. Wołowiec: Czarne, 2019.
 Patek, A., 1997, *Birobidżan. Sowiecka ziemia obiecana*. Kraków: Historia Iagellonica, 1997.